

XX 10/1

СМЕНА

ЦЕНА 10 КОП.

Ленинград
№ 10000
1929 г.

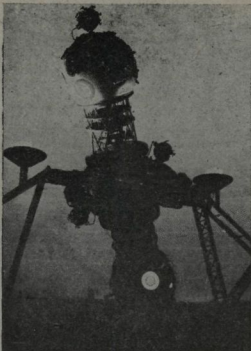

21

1929

13-й год
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ПОДАРОК ОКТЯБРЮ. Комсомолец и пионер везут хлеб.

ПРОЕКЦИОННЫЙ ФОНАРЬ, демонстрирует 10 000 звезд и планет.

Два часа дни. В эти часы сутелона городской лавны достигают того высшего предела, когда грохот и шум бурлящих толп носится по всей улице.

Солнечный день особенно радостно подчеркивает эту динамику большого города, расцвечивая стекла витрин радужным отражением.

И вдруг, посреди дня... ночь.

Да, представьте себе, самая настоящая ночь.

Та темновисная, доходившая до черноты ночь, которая ежесеречье тухнет дневной свет, азантиг электрические нольца городских огней. Ночь с маршалам сонесидий, с множественной планет, со сверкающей луной.

Ночь тихая... тихая... Та, которая своим сияньм, подлюбубом покрывает украинские степи и убавляет мир на сон.

Вы в доме, где демонстрируется новое научное достижение в области астрономии—аппарат планетарий, изобретенный в 1924 г. немецким профессором Баурифельдом.

«Машина времени», как называют дентор, действительно необычайна. Она полтора часа разворачивает перед нами мир звезд и планет. Два часа, осененных объективами, соединены между собой сегментам пыльным цилиндром. Находясь в самой середине зала, машина приводится в движение из специальной инфарды, где находится дентор и механизм У распределительной доски.

Итак, в зале потухнет свет. Глаза привык ко тьме, дентор начинает вращение.

Мгновенно механизм поворачивает выключатель, и вот небо... самое настоящее многозвездное небо. Перед вами пять тысяч звезд, среди них крупным блескум выделяются планеты. Всего в аппарате их десять тысяч. В случае надобности, когда широты, меридианы и полюсы играют роль и определении местонахождения светила, на все небо индвечивается световая сетка. И вот звезды, планеты, созвездия, луна, заключаются в квадрат и полосы, начинают двигаться.

Вот Млечный путь. Юпитер. Сатурн.

— Звезд Медведица, — объявляет дентор, вода по небу световой стрелой.

Аппарат настолько совершенен, что он свободно демонстрирует положение любой планеты на 20 тысяч лет вперед.

— Мы на эваторе к июню 1939 г., — звучит голос дентора. Картина, которую можно было бы видеть только через 10 лет.

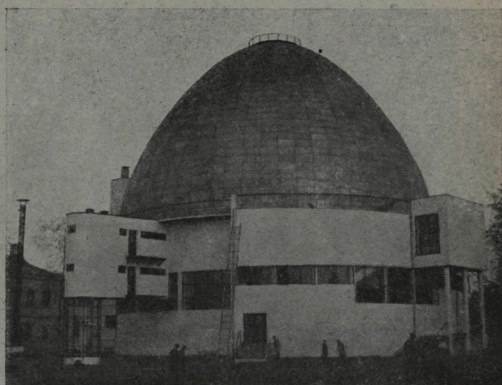
Дентор произносит:

«Солнце!»

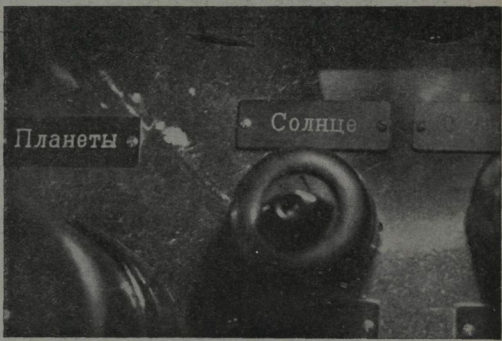
Механизм поворачивает выключатель, над которым написано «Солнце».

Полтора часа прошло. Начинается восход солнца. На зрительном расвете варьируются силуэты Москвы. Сеанс окончен. Конец путешествия по небесам. Снова брызгущая и грохочущая улица возвращает вас к действительности.

Аппарат стоит 75 тысяч долларов. Сделан в Германии на заводе Карла Цейса в городе Йене. В Москву привезли частями, которые и были на месте собраны немецким инженером и русским механиком Лебедевым. Луна,

«Необыкновенный дом».

РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ ДОСКА. Стоит повернуть выключатель «Солнце», как начинается рассвет и восходит солнце.

звезды, солнце, небо также привезены... из Гамбурга.

С внешней стороны планетарий оригинален, американского стиля—бетонно-стеклянный опрощенный полуцилиндр. Внутри, как в наружности, расходятся бетонные колонны.

БОР. ВОЙТЕХОВ

И. Ф. Колесников.

Заседание штаба Красной армии.

12 ОКТЯБРЬ

ДМ. ЛЕБЕДЕВ

ДВЕНАДЦАТЬ лет тому назад, в снего и ветром наполненные дни, пришла Октябрьская революция. Пришла стихийно, сплехом прокатилась по одной шестой части земного шара. Полосой разрушения легла в истории послереволюционных лет, в истории первого пролетарского революционного наступления, революционного разрушения, которое в самом себе несло семена новой стройки.

Первые месяцы и первые годы наполнены незиданным еще в мире разрушением и одновременно неслыханным в истории строительством.

В мусорную кучу истории были сброшены не только вывески с твердым знаком и пресловутой «ятью», не только «ваше превосходительство», и «фунт», и «словесность», не только торговые дома купцов Сиволоповых и не только бесчисленные надстройки над буржуазной экономикой: дома терпимости и спархияльные училища, офицерские собрания и кафе-штанганы, школьная зурбенка и законы семейного патриархата, казенка и институты благородных девиц.

Этого мало. Пришедший на смену буржуазии класс подрывал самые основы общественного господства побежденного класса. Посмотрите первые декреты советской республики, первое советское законодательство. Эти декреты попирают все священные устои капиталистического порядка. Лицидируется собственность на землю. Уничтожаются сословия. Отменяются гражданские чины. Национализируются

банки. Анулируется буржуазная «свобода печати». Анулируются займы. Упраздняется связь церкви и государства.

Но вслед за разрушением пролетариат немедленно начинает строить, создавать новое. Упраздня саму основу буржуазного господства, он немедленно начинает укреплять основы своего классового могущества. Организуется ЧК. Создаются военно-революционные комитеты. Вводится новый календарь и новое правописание. Организуется первая в мире Красная армия. Принимается «Декларация прав народов России» и «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Меняется строй, меняется система, меняется карта. Сколько городов потеряли свое преннее значение и сколько других приобрели новый вес и значение. Нет больше Донской, Кубанской, Терской областей, нет Казанской, Уфимской, Тифлиской, Олонечкой и бесчисленных других губерний. За штат сланы сотни уездов. Зато какую гигантскую роль стали играть пролетарские центры, которые раньше были на вторых рядах: Свердловск (Екатеринбург), Ростов-на-Дону, Иваново-Вознесенск, Артемовск (Бахмут), Брянск и многие другие.

Богатой порослью распустились на новой карте бывшей полурабской России свободные республики бесчисленных народов Союза: Украинская, Белорусская, Узбекская, Турк-

менская, Азербайджанская, Грузинская, Армянская, Абхазская, Аджарская, Талшинская, Дагестанская, Башкирская, Татарская, Карельская, Немцев Поволжья, Казанская, Крымская, Молдавская, Якутская, Бурято-Монгольская. Им сопутствуют младшие сестры—автономные области: Вотская, Коми, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыгее-Черкесская, Чеченская, Марийская, Ойратская, Нахичеванская, Кара-Калпакская, Нагорный Карабах, Юго-Осетинская, Северо-Осетинская, Ингушская.

Большинство этих республик и областей создано в первые годы, в огне борьбы, когда массы пробужденных народов стихийно добивались участия в великой революционной стройке.

Великую разрушительную работу проделала Красная армия. Ее руками разрушены все преграды, которые ставились на пути нашего Октября. Было время, когда граница РСФСР проходила между Орлом и Тулой. Деникин готовился служить молебне в Успенском соборе. Заграничные географы готовились зачеркнуть РСФСР на земной карте. Было время, когда в Вене, Константинополе, Софии, Париже, Лондоне, Риме, Токио, Вашингтоне, Белграде, Афинах, Варшаве, Гельсингфорсе, Риге, Ревеле, Праге и даже в Кабуле и Улан-Баторе решали «судьбы России», сплоскомерно подчинив мирные куски, которые могли бы достаться провинциальным завоевателям от романовского наследства.

Все это было. Всего этого нет. Все это разбилось о несокрушимую волю миллионов, о стальную хребет Красной армии. Длинной черепой прошли перед нами «неудачливые цари и царьки: Колчак, Деникин, Краснов, Юденич, Корнилов, Алексеев, Миллер, Чайковский, Дуттов, Скоропадский, Петлюра, Махно, Семенов, Унгерн, Врангель. Где только ни создавались правительства «единой неделимой»: в Уфе, Самаре, Омске, Ростове-на-Дону, Екатеринодре, Архангельске, Оренбурге, Пскове, Одессе, Иркутске и чорт его знает, где еще. Волею жестокой судьбы и Красной армии эти «столицы» переделались все дальше—в Ревель, Варшаву, Ургу, Константинополь, Берлин, наконец, в Париж, Белград, Софию, Нью-Йорк и даже Буэнос-Айрес. Что и говорить: привольная аргентинская прерия лучший плацдарм для строительства «единой и неделимой».

Октябрьский вздох смел границы. Граница бывшей России стала очень подвижной и неустойчивой. И революционные огни загуляли по всем просторам земного шара. Поле-

тели троны в Германии, Австрии, Болгарии и Турции. В Венгрии, Баварии, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии, Персии возникли советские республики. Полки Красной армии бились у стен Варшавы и Львова, красное знамя Советов полыхало недалеко от Карпатских предгорий, в глуши Монгольских пустынь, в джунглях персидского Гиляна.

В 1921 г.—первый период Октября—период непосредственного революционного наступления—заключился. В международном масштабе этот период закончился два года спустя после поражения германской революции. У нас он окончился в 1921 г. с введением нэпа.

Нэп был отступлением, но отступлением на заранее подготовленные позиции. Нэп означал, прежде всего, укрепление отношений с крестьянством. Он означал, далее, некоторую передышку в борьбе с империализмом. Эту передышку надо было использовать в интересах гигантской стройки. Мы не должны забывать ни на минуту, что это—только передышка, требующая от нас колоссального напряжения.

Вот почему второй период—это период лихорадочной стройки. Полоса разрушения кончилась. Во второй период развернулось, как никогда ранее, творчество революции. Борьба с растратами, борьба с прогулами и простоями, борьба за режим экономии, утилизация производственных отходов, учет и контроль, восстановление и ремонт—все это лозунги второго периода. Законодательство второго периода отражало эту линию: декрет о промпагоде и о едином сельхозналоге, об электрификации, о переходе на твердую валюту, организация Наркомторга, трестов, государственной торговли, свобода передвижения, новый порядок аренды земли и пользования наемным трудом в деревне.

Передышка в отношениях с империалистическим миром принесла полоску эпризаний.

Сейчас мы уже вышли за границы второго периода, вступили в третий. И на Западе, и у нас в СССР революционное наступление пролетариата характеризует этот период. На Западе это наступление выливается в мощные классовые схватки, в СССР—в развертывание социалистического строительства.

В тринадцатую годовщину Октября мы вступаем на гребне реконструктивной волны, в авангарде революционного наступления международного пролетариата, во всеоружии социалистической стройки.

3. Лесснер.

Вступление Красной гвардии в Кремль.

ОКТАБРЬ ТРЕБУЕТ...

Очерк В. ЗЫБИНА

ЛОШЕННЫЙ до кончика ботинок, в опрятной визитке, в фуражке с околышем и молоточками—«idée fixe» провинциальных барышень, герой многих студенческих повестей и романов, маменькин сынок, будущий инженер, а пока студент его императорского величества технического института...

Студент... будущий... Но ничего, что этот «будущий» не умел правильно держать напильника. Ничего, что он презрительно морщил нос от едкого заводского дыма. Ничего, наконец, что он даже дипломы работы вместо того, чтобы коптель nail ними самому, «аказывавлю» своему же «обрату»—неумевшему студенту. Вель, в те добрые царские времена от инженера не требовали особых знаний. Было бы умение ловко шаркнуть ножкой перед высокопоставленной селовладой дамой, была бы бумажка—диплом с массивными сургучными печатями, а остальное... остальное приложится...

Этот тип студенчества добрых старых времен, описанный Гарнином, конечно, тип не монополярный, но во всяком случае широко распространенный тип. Старые времена сгинули. Тихой смертью окончилась империя. Вымирает и старый тип студента-технолога. На смену красноколышникам—потомственным почетным дворянам, сыновьям финансовых тузов, графов и баронов—в стены вузов пришел потемневший почтенный пролетарий, пришедший в эти старые, залесневевшие стены свои навыки, привычки, свой производственный опыт, связь с массами, вколовший сюда струю свежего воздуха.

Большое кирпичное здание с огромными окнами и полу-стеклянным переплетом крыши. Вместо пола блестящие параллели стальных рельс. Можно подумать, что это обычное железнодорожное лепо, паровозная больница. Но здесь нет непреходящей копоги дла. Нет серного привкуса у воздуха, пропитанного каменугольным дымом. Да и сеть медных, блестящих-красных проводов под потолком, тающих в своем металлическом холоде смертельного пламени пятиотельного тока, не присуща лепо. Это Миусский трамвайный парк—трамвайная, если хотите, больница.

Жалкую картину являют здесь пациенты—вагона трамвая—жертвы неорганизованной суетолики московских улиц: у одного средня бок и куски красного железа висят, как клочья кровавого мяса; у другого разбитое колесо, у третьего перестало биться сердце—сгорел мотор...

Но проходит 5—6 дней, и инвалиды, бляста новой краской, четко отбивая такт на стрелках, свежие и нарядные, выходят на улицы.

Впрочем, это не чудло. Это результат кропотливого труда вон этих кучек людей в засаленной одежде.

ВЧЕРАШНИЙ «ФАБЗАЯЦ»

ФАБРИКА ИМ. ХАЛТУРИНА (Ленинград). Окончившая фабзавуч—теперь квалифицированная градильница.

У вагона № 1284—пятерко. Все они в спецоденке, у всех руки пропитаны маслом, и все они одинаково сосредоточенно работают.

Только изредка лохматая белокуроя голова просунется а щель между стальной рамой и, вращая белками, изречет: — Васильев, скажи Никанору, пусть заклепки греет. Сейчас клепать будет.

Васильев, не поднимая головы, бросает:

— Готовы уже? Давать, что ли?

— Давай!

А через минуту звонким речитативом гремит молотки и заклипы, томясь под ударами, исходит огненными брызгами.

Мы подошли к этому вагону.

— Товариш! Говорит, у вас в парке много студентов на практике. Нам бы покалякать с ними.

Да вон он—студент. Калайкате. Все равно сейчас перерыв.

Впрочем, мы видим только ноги студента. Сам же он спрятался где-то глубоко, в черном хаосе осей, зубчаток и стальных полош, и оттуда глухо звучит голоо.

— Сейчас вылезет!

Перед нами вылезли парень. На нем засаленный подпиджачика, выданный немалые виды, а голова покрыта некоторым полюбием кепки, более похожей на оляпо, состряпанную неумелой хозяйкой.

Прогляиваем руки.

— Вы и есть студент?

Веселые глаза брызжут смехом.

— Я и есть. Впрочем, извините, я не один. Сейчас нас здесь работает восемь. А что?

— Хотим поговорить о практике.

— Вообще или как?

— Сначала бы «вообще»,—смеется мы,—а потом и «в частности».

— Ну, если «вообще», то поговорите с нашим руководом. Вот и он сам.

Однако, и в облик этого человека а белокурой шевелюрой а голове ничего нет «специстского». Он—инженер, уже с трехлетним стажем и... лавит под вагоны как простой рабочий. Впрочем, это инженер советской формации.

Мы садимся на какую-то перекинутую болванку. Незаметно бежит за беседой время. В этой беседе мы узнаем не мало интересных вещей.

— Теория без практики—мертвый капитал,—говорит нам белокурой ещеп. Ну, сами посудите, разве сможет инженер руководить работой, если он сам не умеет снять крышки с мотора?!

— Но, вель, раньше же руководили.

— Да, руководили, но другой вопрос—как? Опять-таки и требования были не те. А теперь у нас студент выникает во все производственные процессы. Вот возьмите Ивановича. Сегодня он работает на балансировке тележки. Тележку он теперь знает наизусть,—недаром попопал под ней. А придет в вуз, он вам тележку с закрытыми глазами вычертит.

Итак, от вопроса а вопросу, мы узнали, что студенты Электромашиностроительного института 50% учебного времени отдают производственной практике. Не дело в трамвайном парке, другую а Электровзаводе, потом МОГЭС, потом... Впрочем, трудно перечислить все заводы, где работают практиканты. А к концу обучения перед нами не просто специалист, а специалист-производственик, знающий производство, массу, умеющий правильно полойти к ней.

— Практика одухотворяет теорию,—продолжает ещеп, он же Николай Петрович.—Но не только в этом значение практики. Она позволяет рабочим сплелить за обучением втузовцев, контролировать программу.

Ну, положим, это уже слишком... Это фраза. Николай Петрович обичивно шурит глаза.

— Нет, не фраза. Походите, посмотрите, убедитесь сами. Вот как раз и перерыв кончился.

Мы ходим по обширному мастерским от вагона к вагону, от пятёрки к пятерке. А сбоку, у большого стола, с рядом слесарных тисков, уже закипает спор.

— Пстой, Колька, пстой,—говорит рабочий.—Вот и сразу видно, что ты не в свои сани сел. Был текстильщиком—по текстильной специальности и шел бы, а то даже напика в руки взять не можешь. Вот гляди, как надо.

— Ничего, Петрович, он научится,—успокаивает старого рабочего наш руководитель,—ведь, только начал учиться во втузе. Впрочем,—продолжает он,—чепуха бывает. Металлиста—посылают в текстильный институт, а текстильщика в металлургический.

А слева от нас другая группа по винтикам разбирает двигатель. В середине парень в синей, лоснящейся блузе, тыкая руками в какую-то проволочную «комбинацию», говорит:

— В реостате ток, встречая сопротивление проводников, теряет свою силу. Чем тоньше провод и больше витков, тем большие потери силы тока. Благодаря реостату мы достигаем плавного пуска мотора без рывков и порчи. А если бы...

Рабочие внимательно слушают. Мы шопотом спрашиваем:

— Это тоже студент?

— Да, уже кончает.

И это сразу бросается в глаза, настолько уверенно говорит оратор, так быстро он умеет завоевывать внимание слушателей.

А там, в группе, разговор продолжается. Кто-то спрашивает:

— Расскази нам, откуда бывает шаровидная молния.

Но мы не слушаем, надо идти дальше,—ведь, мастерские так обширны.

Кончила работу утренняя смена. Мы уходим. К нам присоединяются трое студентов.

— Вам по Тверской?

— Да, к Малой Дмитровке!

— Вот и хорошо. Значит идем вместе.

Особенным обновлением кипят в этот час московские улицы. Грохот трамваев, гудки авто, пулеметный треск мотоциклов похожи на какой-то дьявольский джак-панч. Идем молча. Первый нарушил молчанье Иванович, наш старый знакомый.

— Ну, как, видели? Довольны?

— Да, видели. Только непонятно нам, как рабочий может контролировать вашу учебную программу.

— Это дело сложное, но контроль, верно, есть. Мы все время сталкиваемся с рабочими—работаем на производстве, ведем общественную работу, руководим техническими кружками. Тут на практике проверяешь свои знания. Если что не так или нехватает, и сам видишь, и рабочие замечают, и руководитель знает. Вот вам уже и контроль.

— Сейчас во куда?

— В институт. В четыре зачет по механике. Надо успеть.

— Трудно?

— Трудновато, конечно, но без труда спуска из себя не спелася. Работа же нам дает не только практику, но и монету. Получаем по полтора рубля в день. Это в нашем бюджете—капитал.

— А вы обратили внимание на Николая Петровича,—вмешивается другой студент.—Ведь, это тоже наш, шабаша-вец. Вот уж инженер—так инженер, и рабочие нахвалиться не могут...

— Впрочем, наши втузы отстают от жизни. Даже при напряженнейшем темпе они смогут дать максимум 30—35 тысяч инженеров за пятилетие. А Октябрь требует...

Дал Октябрь требует... Шутка ли: к концу пятилетки нам необходимо подготовить 230 тысяч инженеров и техников. Но не инженеров Гаринского типа, не таких инженеров, которых потом на производстве придется учить сызнова, а специалистов, могущих прямо из школы идти на производство—на самостоятельную работу.

Наши втузы решают задачу огромной важности—задачу подготовки кадров для растущей промышленности. Без непрерывной практики, ясно, этой задачи не решить. Вот почему необходимо энергично бороться с теми, кто выступает против непрерывной практики—со старой, отжившей свой век, консервативной профессурой.

В валлистом переизмене студенческих молотков, в скрипе их напильников в обширных мастерских, в шелесте страниц, переворачиваемых тяжелой замасленной рукой, звучит новая музыка новой страны.

Ведь, недаром же старики-рабочие из Миусского трамвайного парка говорят:

3-д «КРАСНЫЙ БОГАТЫРЬ». Окончившая школу фабзавуча—теперь квалифицированная галашница.

— Нет... Не чета нынешний студент старому. Старый—белоручка был, а нынешний весь наш—из одного с нами теста сделан, на одной закуске...

А это лучшая гарантия того, что и новый инженер-прлетарий, рожденный к жизни Октябрем, будет чепиком наш.

Это по качеству. Успехи здесь налицо. Но справился ли мы с количеством? Не будет ли замеллен темп строительства социализма? Опасения есть и опасения основательные. И мы вправе сегодня, когда массы дефилируют на площадях под красными знаменами, отмечая исполнившуюся 12-ю годовщину Октября, возвысить свой голос и спросить наши втузы:

— Выполнили ли вы задание страны? Сможете ли дать нам 230 тысяч командиров промышленности?

Выполнить нужно. Нужно, во что бы то ни стало!

С ЭТИМ номером подписчики „Смены“ получают третью книжку библиотеки „Жгучие вопросы“

С. ШОР

„ЧТО ТАКОЕ МЕЩАНСТВО?“

ОТ ИСТОПНИКА ДО ДИПЛОМАТА

Очерк ВАЛЕНТИНА СУХАНОВА

В 1918—20 гг., как известно, гремели пушки. Судьбы Советского Союза решались в то время не за красным дипломатическим столом, а на полях сражений, на полях гражданской войны. Дипломатия была на время похоронена, на время забыта, отодвинута на задний план. Но вот война окончилась. Начали вступать в силу различные договоры, буржуазии пришлось начать считаться с фактом существования Советской страны.

На фронте военном молодая республика одержала победу, буржуазия потерпела поражение. Тогда последняя решила попытаться счастье на другом... на фронте дипломатическом... на фронте переговоров, договоров, словесных упреждений, дискуссий, раллического рода уверток. Советскому Союзу пришлось принять бой и на этом еще более трудном фронте с врагом, скрытым под чином дипломата, саванника и пр.

После войны, начиная с 1921 г., как раз и начал создаваться штаб новой дипломатии—Наркоминдел. Народный комисариат по иностранным делам. Начали появляться новые дипломатические работники советской формации. И, как принято везде и всюду, молодежь, молодые ребята, комсомол в создании этих новых дипломатических кадров заняли далеко не последнюю роль.

... Он пришел в маленькое, холодное и неприглядное помещение одного из многочисленных домов Бюробина¹ поздней осенью двенадцать первого года. Пришел, рабятный, усталый, потрясенный. В течение последних трех лет Теодор Клява, молодой латвийский революционер, которому едва-едва исполнилось еще 16 лет, испытал не мало тягот и лишений. За учения в организации Литовского комсомола Теодору за вот короткий срок пришлось отсидеть два раза в тюрьме. Выйдя из тюрьмы на волю, Теодор ушел в подполье.

Но надо было на что-нибудь жить. И Теодор для поддержания самого себя и своей матери поступил на фабрику. Он работал там простым чернорабочим, в одно и то же время отдавая самого себя революции, комсомолу, обществу. Прошло несколько бурных лет. Пролетарская революция в Латвии была на время погашена.

Теодор перебравшись в Советскую Россию. И здесь на первых порах работает истопником в Бюробине, в Москве. Теодор топил печи, таскал тяжелые везанки дров, велел работу в комсомольской ячейке и заодно присматривается к работе дипломатических чиновников... он интересуется политическими новостями, принципами дипломатической работы.

Проходит немного времени. Теодора

Клява ячейка предлагает перевести уже на работу в аппарат Наркоминдела. Руководители НКИД соглашаются с этим предложением. Клява уже канцелярист в хозяйственной части. И, находясь здесь, он еще больше проявляет интерес к «премудростям» дипломатической машины.

Все свое свободное время он просиживает в библиотеке Наркоминдела, роется в книгах, посвященных изложению дипломатического и политического права, истории дипломатии, истории во-

Молодой наркоминдонец тов. Александров—один из видных работников отдела Прибалтики.

обще и т. д. Круг знаний Теодора значительно увеличивается и расширяется. Клява подает определенные надежды.

И его приглашают работать уже на более ответственный пост—в протокольную часть НКИД, секретарем. Клява начинает сталкиваться с иностранцами. Теодору постепенно становится понятно многое «тайное тайных» дипломатических вещей. Клява постигает основную механику «возмужку» дипломатии. Может быть, еще не совсем полно, но совсем хорошо, но все-таки в основном достаточно для того, чтобы уже к 1922 г. занять должность секретаря консульства в Ковно—столице Литовской республики.

Теодор Клява снова за границей, снова в Прибалтике, но уже не в качестве гонимого революционера, а в качестве лица, обладающего всеми правами дипломатической неприкосновенности. Еще немного месяцев служба, и Клява уже заведует консульской частью советского подпредства в Литве. В 18 лет Теодор достигает такого положения, делает

такую «карьеру», о какой мечтают в буржуазной стране люди. Изменили уже 40—45-летний возраст. В течение шести лет Клява работает на консульской работе в Ковно. А по прошествии этого срока он переводится в СССР и назначается в Визовосток, где и получает совершенно самостоятельную дипломатическую работу, заменяя очень часто самого консула.

И недаром, когда в Наркоминдел приходит новый работник, то его обычно в ячейке или в секретариате встречают следующими словами:— Вот будете работать, как Теодор Клява, будете так же учиться и стараться, как он, тогда станете хорошим дипломатом...

На крупнейших в Союзе рыбных промыслах в Астрахани девятинадцатилетний Андрей Фехнер выступал в качестве комсомольского агитатора. Он развезнал с места на место, развезая рыбакам «международное и внутреннее положение», создавал среди рыбаков комсомольские ячейки. Андрей влезал вместе с рыбаками в море, вставляя в их быт, на практике знакомясь с рыбацкой жизнью, ее навыками, особенностями и привычками. Прошло несколько месяцев—и Фехнер стал заправским рыбаком, своим для промыслов человеком.

Это было очень давно, около девяти лет назад. Теперь уже Фехнера называют Андреем Васильевичем, а иногда и «господином Фехнером». Фехнер носит модный заграничный костюм, у Фехнера аккуратно повязанный чистенький галстук, у Фехнера аккуратно зачесанная прическа. Почему вдруг такая метаморфоза, такая неожиданная перемена? Чем вызвано это обстоятельство? Может быть, бывший комсомолец Фехнер «разложился»? Может быть, он отошел от революционного движения, забыв про свое комсомольское прошлое? Нет, нет и нет!...

Все объясняется весьма просто. Андрияша Фехнер стал советским дипломатом, побывал долгое время за границей на ответственных дипломатических постах и сейчас получил «чин» политического референта одного из крупнейших отделов Наркоминдела.

Путь Фехнера по своей служебной линии довольно интересен, весьма характерен для нашего времени. После рыбных промыслов Фехнер по командировке партийных организаций попал в НКИД в качестве одного из секретарей Чичерина. Он знал немецкий язык, а в 1921 г. в подобных людях весьма и весьма нуждались. Затем его переводили в отдел в отдел, в результате послали на работу в Германию, сначала в консульство, в Лейпциг, а затем и в полпредство—в Берлин.

И здесь Фехнер, будучи еще весьма молодым человеком, проявил свои способности, к октябрю 1925 г. заняв

¹ Бюробин—упреждение, обслуживающее долгое время нужды иностранцев.

уже должность второго секретаря нашего посольства.

— О-о-о, господин Фехнер!—замечил ему как-то немецкий консул Рихтер, — в ваши годы вы сделали такой карьер, такой карьер, прямо умопомрачительно... Не понимаю, ничего не понимаю!..

— Чего-ж вы не понимаете?—спросил его Фехнер.

— Да как же? Вам, наверное, не больше 25—26 лет, а вы уже занимаете такую должность. Это чудовищно!—продолжал удивляться немец. — Мне вот уже 45 лет, а я по чину занимаю должность меньше вашей, и то доволен. Кем же будете вы, когда достигнете моего возраста?..

— Можем быть, секретарем уполномочен в Бузулуке...

— Вас не дал Бузулуку?—еще раз удивился немец.

— А это небольшой уездный город в России,—пояснил ему наш молодой дипломат, найдя и указав, где находится город на висящей неподалеку карте СССР.—И вы знаете, что эта работа, может быть, для меня почетнее и выше, чем та, которую я сейчас занимаю.

Совсем сбивый с толку немец еще раз удивленно пожал плечами.

— Ну, вы русские, вообще очень, очень странный народ!..

... Дипломат Фехнер, как и многие другие его товарищи, учился в вузе, ведя в одно и то же время и дипломатическую работу днем в Наркоминделе: прием иностранцев, дипломатические разговоры, вечером — занятия в университете, перед сном — чтение текущей литературы по интересующим его политическим вопросам, самообразованию, расширению круга своих теоретических знаний. И так, в результате Фехнер формируется в большого, серьезного работника, выходя из рядов комсомола, начав с агитатора на рибных промыслах. А мало ли подрастает подобных фехнеров?..

Работа по наркоминдельской линии вполне справедливо может быть названа работой на дипломатическом фронте. Нашему молодому полпредскому работнику, находящемуся за границей, приходится сталкиваться с миллионом трудностей.

Различные этикетки, дипломатические порядки, обычаи и ритуалы — ним она

чала весьма трудно привыкнуть. А не только, но соблюдать их—это значит выглядеть плохим дипломатом, плохим работником в глазах буржуазных чиновников. Советскому же Союзу пока это не выгодно. «С волками жить, по-волчьи выть»...

Мне помнится, покойный Л. Б. Красин не раз жаловался:

— Эти переодевания, костюмы, фрак, этикетки могут довести до сумасшествия. От них, подчас, больше устанешь, чем от самой работы...

И нашей молодежи, приобретающей дипломатические чины, как раз и приходится этой стороне дела уделять немало внимания. Но не в этом только трудность работы. Это все же считается мелочью.

Самое трудное в другом. Наши советские люди, наши молодые дипломаты заграничной живут в подлинном капиталистическом окружении, в окружении врагов. Каждую секунду, каждую минуту их подстерегает опасность. Примеров этому довольно много.

Налеты в Китае, избиения и даже убийства наших консульских и притом молодых работников в той же стране, убийство Нетте (дипкурьера) и, наконец, всем известное убийство тов. Ворова в Лозанне и ранение там же его секретаря-комсомольца Максима Дивильковского в 1923 году. Разве это не фронт, разве это не скрытая война?

Но это не устрашает нашу молодежь. Закаленная в боях, выросшая на ленинских джонках, наша молодежь одолевает и эту работу, побеждает и на этом

Шапиро — вояка комсомольцев в Наркоминделе.

фронте, правда, с большим трудом и потерей, но все же с определенной верой в успех.

И сейчас, уже в 1929 году, к моменту вступления Советского Союза в 13 год своего существования, просматривая список личного состава Наркоминдела, можно видеть, как число дипломатических работников из молодежи все время неуклонно растет. Она вносит сюда новые навыки, весьма серьезно и существенно изменяя общий тон дипломатической работы, показывая на деле, на непосредственных фактах, чего может добиться при желании советская революционная молодежь.

СТРОИМ САМОЛЕТ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОСТУПИЛИ ВЗНОСЫ ОТ СЛЕДУЮЩИХ ТОВАРИЩЕЙ:

Кузьма Е. — 3 р., Греляцкий — 5 р., Явочкин — 5 р., Плачен-Клюнская — 2 р., Дьяков Д. А. — 2 р., Рождественский — 3 р., Немцов В. И. — 3 р., Мысовский — 3 р., Сытин Л. П. — 3 р., Коробков — 10 р., Дьяков В. В. — 10 р., Лебедь — 2 р., Морозов А. А. и Кравченко — 2 р., Юшков С. М. — 1 р., Наумов Е. В. — 3 р., Дрозжин и Заровняцкий — 1 р. 78 к., Гиммельфарб — 1 р., Коваленский — 1 р., Бровкин и Мартынов — 2 р., Малацкий С. — 25 р., Ариандель — 3 р., Овчинников — 2 р., Мечва М. М. — 3 р., Родин А. Ф. — 1 р., Могучий Н. Д. — 2 р., Кассиль Л. Д. — 5 р., Макаров Г. М. — 1 р., Шмерлинг С. Л. — 2 р., Журба П. Т. — 5 р., Левур Г. Е. — 10 р., Соловьев И. М. — 2 р., Коосен М. Б. — 5 р., Анкин П. А. — 5 р., Курлла А. — 3 р., Кши И. И. — 5 р., Корнилов К. Н. — 1 р., Галин и Поголов — 3 р., Толмачев — 5 р., Зверев А. П. — 50 к., Алексеев — 2 р., Бернер С. Б. — 1 р., Михайлов Н. — 1 р., Искров Л. — 5 р., Казаченко А. — 3 р., Постников С. — 3 р., Черникова С. — 1 р., Гусев В. — 1 р., Николаев С. — 1 р.

ВНОСЯТ—ВЫЗЫВАЮТ

Рабочий, комсомолец силовой станции Запорожского 4-го сепараторного завода (УССР) т. Г. ТРОФИМЕНКО вносит 3 рубля и вызывает последовать его примеру т. т. ГОРЮЧА В., ФИЛИНА, ШЕРШОБОВА, ЛАЦ, ПЯТНИЦКОГО, БОБУЛЕВИЧА, ФИЛАТОВА, ВАСИЛЕЧУ и ВОЛОСКИ П.

КОМСОМОЛЬЦЫ ЗАПОРЖСКОГО СЕПАРАТОРНОГО ЗАВОДА ВЫЗЫВАЮТ КОМСОМОЛЬЦЕВ ЗАПОРЖСКИХ ЗАВОДОВ «КОММУНАР» и «ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

Когда в журнале «СМЕНА» мы прочли, что издательство ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» постановило построить самолет «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», собирает на постройку самолета средства и вызывает всех комсомольцев, то вопрос о постройке самолета «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» мы поставили на общем собрании производственной объединенной ячейки комсомола наших Запорожских гос. сепараторных заводов.

Собрание ячейки постановило:

- 1) Отчислить в фонд постройки самолета «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 1% с месячного заработка; 2) выделить сборщиков для сбора средств на самолет среди беспартийной молодежи; 3) вызвать на самолет «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» через газету «Комсомольская Правда» и журнал «СМЕНУ» комсомольцев заводов «КОММУНАР» и «ИНТЕРНАЦИОНАЛ» г. Запорожья.

Рабочий Запорожского гос. сепараторного завода комсомолец СОПКО

Прежде истопник — теперь дипломат тов. Клява.

ДЕТИЩЕ НАШЕЙ БЕДНОСТИ

Очерк В. КОРОЛЯ

В СТРОЙНЫЙ ряд, как солдаты перед строем командиром, выстроились деревнянки чурбаны.

Сзади их люди в серых спецахлатках с молотками в руках. А впереди «командир», именувый влесь инструктор-р.м. Указе полуовальное помешение на полняется ритмичным стуком, от которого режет в ушах.

— Раз, два! Раз, два!—командует инструктор, и молотки враз ударяют по деревянным чурбанам.

Это один из многочисленных филиалов ЦИТ'а, готующий слесарей.

Наука шагает вперед семимильными шагами. То, что ранее казалась фантастической сказкой, теперь—обыденное явление. Все мы помним из обычных рассказов Жюль-Верна с его воздушными кораблями, капитанами Немо, изобретателями подводных лодок. Прошло меньше полувека, и о воздушном корабле мы говорим, как об обычной вещи, не удивляемся подводным лодкам. Жизнь осыпала живых капитанов Немо...

Всего только пятнадцать лет тому назад разве можно было говорить о подготовке квалифицированного слесаря в 2—3 месяца?

Нет. Тогда мальчишка проходил слесарную науку годами, ценою вырванных прядей волос, жестоко побитого загривка, систематических недомоганий.

И вот теперь, без колотушки, без «загрянка» юноша, а то и взрослый борюдач, в 2—3 месяца проходит эту «науку». Поступив сюда без малейшего понятия о напильниках и сверле, он выходит квалифицированным слесарем.

Каждая работа состоит из ряда операций, операция—из ряда движений. Расчленив работу на операции, операции на движения, выброив отсюда все ненужное и лишнее, приучив человека правильно делать необходимые движения, «установить» его—вот какую задачу поставил перед собой ЦИТ—летние Октября.

И нужно отгад справедливость, ЦИТ с этой задачей блестяще справился. Начав с малого—с подготовки професий, работа которых наиболее легко поддается расчленению, ЦИТ постепенно переходил к все более и более сложным, и вот сейчас нет уже, кажется, ни одной профессии, изучить которую нельзя было бы по методу ЦИТ'а.

ЦИТ готовит слесарей, столяров, токарей, фрезеровщиков, автогенщиков и... даже шоферов. Впрочем, шоферы—последнее достижение ЦИТ'а.

Десятки баз ЦИТ'а разбросаны по

селам, весям и городам Советского Союза. Десятки тысяч квалифицированных строителей социализма для страны эти базы. На подготовка их сэкономлены миллионы рублей. Перед нами сухие таблицы и на них за шифрами гнутся бесконечные вереницы нолей, это итоговые сводки работы ЦИТ'а.

Но и это еще не все. Вель, до сих пор мы готовили кадры «вслепую». Тратили деньги на обучение слесаря, а слесарь получался еникудышный.

Почему? Да потому, что поискичский человек не подходил к данной работе.

против капиталистического взгляда на образование рабочих подростков.

Посмотрите на этих людей, стоящих перед деревянными чурбанами с молотками в поднятых руках. Посмотрите на их лица. Это маски без признака живой мысли. Это... люди-машины.

— Почему ты держишь молоток так, а не вот так?
— Так надо!
— Почему ты ногу выстроил вперед?
— Так надо!
— Но почему, почему так надо?

На это вопрос не ищите ответа. Он приводит в замешательство даже инструктора. ЦИТ выпускает

ЦИТ. Одна минута перерыва.

Это и толкнуло ЦИТ на новый метод отбора кадров—психотехнические испытания.

Большая специальная лаборатория. Вот полная копия будки паровозного машиниста. Котел, манометры, рычаги. А впереди экран с развращающейся в живом беге полосой рель. Полная иллюзия того, что вы находитесь в будке мчащегося паровоза. Но вот вдали мелькает красный огонек закрытого осемфара. Машинист нажимает рычаги...

А обку, в особом помещении, специальные приборы беспротрастно отмечают, сколько долей секунды прошло между появлением сигнала и рефлексом в сознании машиниста. Люди отсюда выходят красные, обливаясь потом.

— Уф! Чуть-чуть и... крушение было бы. Этот голен на пассажирские поезда. А это только на товарные—слишком замедлен рефлекс...

Вот заслуги ЦИТ'а, которые нельзя отрицать, которыми восхищается вся страна. Но... мы все-таки против ЦИТ'а, против его системы дресировки «на основе рефлексов и инстинктов», наконец,

квалифицированных работников—это верно. Они умеют работать опртно, экономя каждое движение, и это тоже верно. Но они работают механически, не вникая в процессы производства, не понимая этих процессов, они безоружны теоретически.

Перед нами десятки писем кончивших и сейчас работающих цитовцев, и почти все письма говорят об одном:

Теории! Теории! Теории!
Цитовец просит теории, как голодный хлеба.

Рабочий Ижорского завода тов. Павлов, бывший цитовец, в своем письме пишет: «Мы работаем рядом с товарищем, недавно кончившим фабузачу.

Оба мы хорошо знаем формовку, в работе не отстаем друг от друга, но... Он все-таки часто помогает мне, теоретически обосновывая мою работу. Мы спорим, и эти споры многое мне открыли и помогли мне еще ловче и скорее формовать, помогают разбираться в производстве, заставляли думать о том, как бы еще больше улучшить и ускорить работу».

Недавно мы были на собрании цитовцев.

Там говорили об кадрах. — Социализму нужны люди, сознательно работающие, умеющие критически подходить к тем процессам, которые они выполняют,—говорил с трибуны докладчик.

Я наклонился к уху соседа: — Ну, и что же? По-твоему, дает нам ЦИТ таких людей?

— Гм,—смутился мой сосед,—если строго разобратся, нет.

ЦИТ—летние нашей бедности.

ЦИТ дал строящемуся социализму первые кадры.

Методы ЦИТ'а долго будут жить, их использует фабузачу, за которым будущее.

НТОО РОЖДЕННЫЕ ВЕЛ

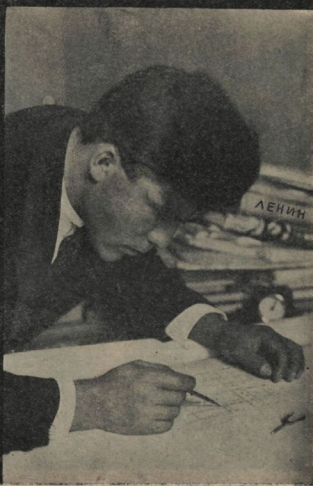
ИСПОЛНИЛАСЬ двенадцатая годовщина Октябрьской революции. Прошло всего только 12 лет! Какой маленький и вместе с тем какой это огромный срок! Октябрь 1917 г. открыл в жизни человечества новую эпоху—эпоху коренной ломки всех старых прав, законов и понятий. Быстрей, прогрессивней в стране в октябре 1917 г., разбудили спавшую доселе энергию многомиллионных масс городского и сельского пролетариата, призвали ее на строительство новой жизни—новой социалистической страны.

Победа в открытом бою—на баррикадах, расправившись с наседавшим со всех сторон врагом, еще не оправившись от полученных ран пролетариат принялся за восстановление хозяйства. «Хозяйства», но применимо ли это понятие «хозяйства» к тому, что страна имела в 1920 г.—всего только девять лет тому назад?! Развалился транспорт, стояли фабрики и заводы, не было хлеба, сырья, рабочих рук. И вестяки...

Да, «и все-таки!» За короткий срок мы прошли путь, который народы проходят в столетия. Мы реализовали почти полностью первоначальный ленинский план электрификации страны, названный англичанами утопическим. Мы создали Волховстрой, успешно строим Днепрострой, начинаем строить Волго-Донской канал. На наших полях на смену тощим крестьянским конникам пришла стальная конница тракторов, рожокот комбайны, расплывшие индивидуальные крестьянские хозяйства объединяются в мощные коллективы. А параллельно с этим перекраивается все лицо страны, ее характер. На смену старому гетемону—сельскому хозяйству—пришла тяжелая индустрия.

Огромная и тяжелая работа проделана за эти годы. И комсомол вправе гордиться тем, что рабочая и крестьянская молодежь от первых дней революции—от баррикад до сегодняшнего дня честно и самоотверженно

ИКИМ ОКТЯБРЕМ

выполняла свою долю работы,—будь то на военном или на хозяйственном фронте. Заклянные в боях, в тяжелой работе по социалистическому строительству растут новые люди—дети пролетариев станка и пилы. Нужно ли рассказывать их биографию—биографию Ломоносовых и Максимов Горьких наших дней. Преодолевая нечеловеческие трудности и лишения, они учатся. Учатся работать, командовать, исследовать, изобретать. Пролетарская молодежь дала нам и даст еще не мало специалистов—новых Эдисонов, Павловых, Уаттов, Тимирязевых. Но мы растим не узких специалистов, незнающих ничего, кроме своей колбы и кабинета, а специалистов-общественников, тесно связанных с массами, черпающих в массах новые и новые запасы творческой энергии.

Фотография—не глухой исторический документ. Фотографии рисуют нам, как от этапа к этапу, от баррикад, разрухи, беспризорности страна переходила к социалистическому строительству, показывают нам новых молодых специалистов за учебной и рабочей. Но того, что сделано до сих пор—мало. В торжественных гудках, песнях и гимнах, раздававшихся в 12-ю годовщину Октября звучат ноты тревоги:

— Нужны новые, новые и новые кадры инженеров, агрономов и техников! Готовьте стране новые кадры!

Пятилетний план ставит перед комсомолом и всей молодежью крайне ответственную задачу—дать стране эти новые кадры командиров социалистической стройки—инженеров, агрономов, техников. Здесь у нас ножицы. Командиров не хватает уже сейчас, к концу пятилетия эти ножицы раскроются еще шире. Нужно напрячь все силы, чтобы сжать эти ножицы, чтобы не замедлить темпа социалистического строительства. Молодежь, сумевшая почти голыми руками разбить вооруженного до зубов врага, сумевшая прорвать кольцо голода и разрухи, неуверенна она не сумеет справиться с этой задачей?

ФАБРИКА МАРКСИЗМА

Очерк ЭРДЭ

РАНИОН... Российская ассоциация научно-исследовательских институтов по общественным наукам. Этот комбинат институтов только в последние 2—3 года стал известен более или менее широкой советской общественности. В настоящее время любой студент-выдвиженец может без особого труда расшифровать неблагозвучное слово «РАНИОН». Но... таква уж диалектика развития РАНИОН'а как научного центра, — окрепнув идейно и организационно, ассоциация одновременно начала расщепляться на составные части. Из «клона» РАНИОН'а ушли институты научной философии и истории, прикмушавшие к системе исследовательских центров Коммунистической академии, на очереди Институт экономики.

Период первоначального накопления научных сил. Период классово-идеологической размежки. Период острой классовой борьбы на научных фронтах. Ассоциация институтов прошла через все эти этапы. И прошла быстро — в какие-нибудь 4—5 лет.

Первоначально в этой системе «мирно уживались» представители разнообразных идеологических группировок — марксисты, полумарксисты, немарксисты и антимарксисты, материалисты и идеалисты, диалектики и механисты, дуэтисты, «вористы» (сторонники, юридической школы) и многие другие.

В РАНИОН'е научная молодежь должна была, по мысли основателей Ассоциации, получить марксистскую подготовку по своей специальности. Но эта задача была Ассоциацией не по плечу.

Перелом начал совершаться по мере заполнения РАНИОН'а молодежью, непохожей на приемы первых лет. За 2—3 года значительно окреп партийный костяк аспирантуры, заметно улучшился социальный состав окончивших вузы выдвиженцев на научную работу. В застоявшемся болоте семинаров будто бросили камень: все кругом зашевелилось. Почувствовалось влияние живой жизни. Многие «зрелота»-аспиранты пришли в РАНИОН' с некоторым, конечно, но очень-то большим, теоретическим багажом, но зато с богатым опытом практической, боевой, партийной, советской и профессиональной работы.

Среди аспирантов и части научных работников усилилась дифференциация. Началась борьба с правыми настроениями и взглядами и примирчески к ним отношения. Через короткое время РАНИОН и узкая ильзая было: в его недрах закипела напряженная классовая борьба и явственно обозначилась точная расстановка сил на идеологическом фронте.

Эта борьба сильно затруднялась тем, что немногочисленные партии и примыкающие к ним аспиранты-марксисты не имели твердого руководства со стороны партийного крыла научных сотрудников и действительных членов РАНИОН'а. В списке РАНИОН'а именовались «имена» весьма почтенных научных работников-коммунистов, но в большинстве случаев эти «мертвые души» даже не приходили на научные диспуты в семинары и секции, где приходилось и отражать напор классово-враждебной и

чужака нем идеологии. Руководящая верхушка РАНИОН'а сидю время, по реорганизации, сползала с классовых рельсов и допустила ряд право-оппорунгических ошибок. Вся тяжесть борьбы с немарксистскими и противомарксистскими идеями и ильзаями искушенных противников легла, таким образом, на неокрепшие еще плечи передовой аспирантуры. Понитно, что в этой неравной борьбе на долю марксистов выпалили нередко поражения. К этому следует добавить, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия просачивалась и в систему взглядов отдельных коммунистов, что еще более осложняло и затрудняло классовые бои за марксизм-ленинизм.

Какой бы мы ни вяли институт, всюду обостряется борьба. Последовательные марксисты вынуждены выкорчевывать буржуазные теории, еще державшие в плену даже многих близких нам в общем людей, вскрывать и разоблачать научное мракобесие, идеализм, элементы враждебных наук учений.

Институт экономики до последнего времени был (и еще есть, пожалуй) оторванным от грандиозной социалистической стройки, от народного хозяйства, от пятилетки, а потому смертельным учреждением, где давали себя чувствовать правые настроения и стихания, где иногда пытались «отню» задавать псевдомарксисты, извратители марксизма.

В Институте советского права во главе руководства долгое время стоял научный работник, в началах которого трудно отыскать следы Яного дуизма. (Заметим в скобках: Дуги, француз-

Г. И. Савицкий.

Демобилизация старой армии.

ский профессор права, ищет основания нормы права «в общественной солидарности». «Для нас,—говорит Дюги,— норма права, обязательная для всех и в частности для правителей, заключается в том, чтобы отдавать силу, которой они располагают, на пользу упрочения общественной солидарности».

В Институте истории, где олять-таки во главе руководства стоял откровенный противник марксизма, приходилось бороться как с идеологическим толкованием исторического процесса, так с вульгарным «экономическим материализмом». Одно время антимарксистские элементы плотно засели в «штабелях» в секции древних и средних веков.

Это общая, типичная для всех институтов картина.

Так было. Теперь положение изменилось к лучшему. «Фабрики марксизма» постепенно очищаются от враждебных элементов, заполняются пролетарской молодежью и, опираясь на коммунистическую и близкую им беспартийную профессию, начинают давать нужную

вузам продукцию. Расширенное воспроизводство научных сил продолжается, но с другим знаком, нежели раньше, с некоторой гарантией марксистского «качества» этой продукции.

В настоящем году мы имели первый массовый выпуск «красных профессоров», прошедших аспирантскую подготовку в РАНИОНе. Нельзя пройти мимо этой крупнейшей победы на научном фронте, как ни расширять общую и марксистскую квалификацию окончивших РАНИОН.

Из 222 новых ученых 121 едут в провинцию на педагогическую и исследовательскую работу, остальные, за исключением тех, кого нельзя по их идеологическим данным направить на педагогическую работу, остаются в московских вузах. Среди окончивших—49 партийцев, из них 32 едут в провинцию. 27 аспирантов, не усвоивших марксистской идеологии, не будут допущены в вузы вовсе.

Меньше всех дал провинции Институт археологии и искусствознания (1 человек из 13). В других институтах положе-

ние значительно лучше: в провинцию направилось 8 психологов (из 18), 19 литераторов (из 36) и до 60% закончивших аспирантский стаж историков и экономистов. Эти итоги следует признать удовлетворительными, особенно, если учесть, что распределение аспирантов по провинциальным вузам происходило в ненормальных условиях. Наркомпрос не знал, сколько специалистов ему требуется, и вузы послали свои заявки «самостоятельно». Отдельные ошибки были допущены самими аспирантами, которые иногда неохотно соглашались уехать из Москвы и оттягивали под различными предлогами отъезд в провинцию. Были и более откровенные вылазки вроде ответа аспиранта Брегея (экономиста): «Я у вас стипендию не получаю и не желаю с вами разговаривать».

Наконец, и сами вузы подчас всячески препятствовали проникновению молодых ученых в академические «сферы».

Но больше всех сам Наркомпрос повинен в содеянном для научного молодняка ватагах. Мы не научились до сих пор достаточно энергично очищать вузы от негодной в идеологическом отношении профессоры и не уделяем достаточного внимания замене старой профессоры новыми научными кадрами.

ПАЛАТА МЕР

Кровь посекундно колеблет висок,
Каплет из конуса в конус песок,
В мире мензурок, линейк и стрелок
Стынет Палата Мер и Весов.
Здесь—трехлинейки проверен прицел,
Гири, как мыши, мертво-мертвы,
С синими клеймами R и C
Гледенели термометры.
Время качается под стеклом
(Маятник навскив ЦИТ'а поист),
Тут, под стеклом, собран циклон
Тонности и расчитанности.
Слушайте счет, чувствуйте счет,
Счета начало и счета грань—
Каплет песок, капля течет
В deci и kilo и sauti-грамм.
Милли-метр... милли-гран...
— Слабо на кухне закрыли кран—
Каплет капля, каплет песок—
Здесь Палата Мер и Весов!
Жизнь

в окне!

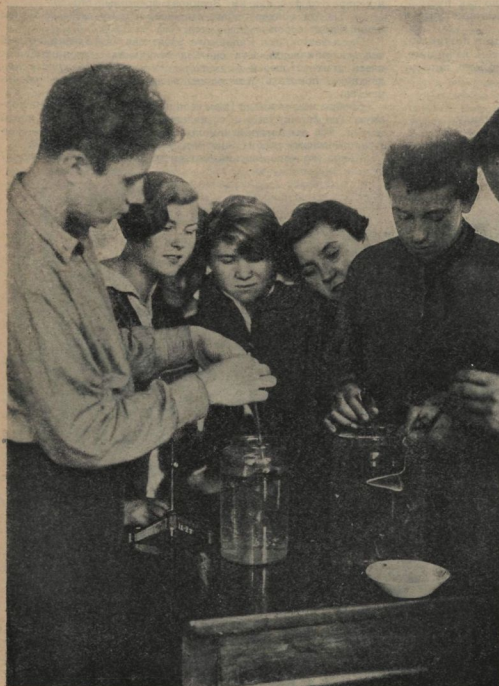
Хаоса!
Как хаос!
Бесрядком
Краснава
Ona!
Зелена!
Радостна!
Радужна!
(Пауза)

Жизнь на весах сбалансирована,
Точно известен удельный вес
Каждой частицы земли и небес.
Вытеснит море зло и серо
Тонны тонущих крейсеров;
Центнеры льнувших весне трав
На весах лежат щелях,
Двадцать квадратных метров—
Где я живу и люблю тебя!
Звездный и солнечный свет высок,
Низок сумрак морей и лесов,—
Меня

И тебя

Концами
Пинцета
Держит Палата Мер и Весов!

Семен Курсанов

Школа, которая имеет не мало заслуг перед рабочей массой (см. очерк Н. Нальма «Радищевка»).

РАДИЩЕВНА

Очерк Н. КАЛЬМА

УТРОМ весь интернат разглядывал новые штиблеты Пети Карнаухова. Единогласно постановили именовать эти огромные желтые башмачиши «последними в жизни» или «по зубам буржуазии».

Потом в школе был зачет по обществоведению, проработавшись отдел Коммунистического манифеста, и Зинаида Иванова спросила везавшегося Пето:

— Прелставь себе, что ты приходишь на одну из наших фабрик и рабочие тебе жалуются на недостаточную зарплату. Что ты им на это скажешь?

Пета вотряхнул шибко валомаченной головой, окончательно отрываясь от штиблетного великолепия:

— Скажу... я скажу, что они получают еще прибавочный продукт в виде культобслуживания, коммунальных услуг и прочее...

— Ну, а что такое диалектика? Чему учил Дарвин? Кто такой Гегель?— не унималась Зинаида Иванова.

Зачет подвигался медленно, как мотоцикл по вспаханному полю. За дверями класса гудко звенел роиль, троптали десятки ног. Там у старшей группы был час физкультуры, и четко маршировали под музыку пообтесавшиеся в военизированных походах комсомольцы. А рялом в монастырских мрачных коридорах бывшего института благородных девиц было так пусто и тихо, словно и не было никогда тех 350 ребят, которые учатся в школе имени Радищева.

Монотонно тянулись стены, оклеенные разными лозунгами. Наконец, я совершенно запуталась в коридорном лабиринте, но тут на мое счастье показался бегущий во всю мочь пионер. Он]понемигую замедлил бег смуглых коленок:

— Вы куда?

— А ты куда?

— Я в мастерские, налю кончат работу по металлу.

— Можно мне поглядеть на твою работу?

И через секунду мы среди ляга, грохота, железного скрежета, блеска металлических опилок, мы в самом сердце Ради-

щевки— в ее мастерских. На долю сердца школы приходится очень много работы, т. к. Радищевна имеет индустриально-политехнический уклон. Здесь ребята получают необходимые трудовые навыки, причучаются владеть основными инструментами, вынюкают в суть производства, причем ВСНХ дал школе задание— выискуать учащихся с квалификацией слесаря не ниже четвертого разряда.

Программа школы составлена так, чтобы труд органически сливался со всей остальной учебой. Например, по физике ребята проходят рычаги, те же рычаги они чертят в чертёжном классе и затем по своим чертежам выработывают рычаги в мастерской по металлу.

Склонившись над станком, стоит девочка с пушистыми, как хлопок, волосами. В черных, промасленных руках она держит металлическую пластинку.

— Казакова— самая способная,— указывает на нее инструктор,— успевает больше мальчиков. Теперь работает на точность, занята выработкой контрольных линеек.

Мы проходим по рядам, но на нас никто не обращает внимания,— так все увлечены работой. У всех засученные рукава, напряженные мускулы рук и на лицах выражение внимательного упорства. С гордостью показывают мне только что полученный в подарок от фабрики им. Завков фрезерный станок:

— Теперь пойдет работа горячее, к тому же все звеня наши между собою соревнуются.

Скаывается, вся Радищевка разделена на 43 звена, по 5—6 человек в каждом. Эта система маленьких внутришкольных ячеек причучает людей с самого раннего детства делать все коллективно, помогать отстающим, воспитывает чувство товарищества.

Вообще школа имени Радищева похожа на огромную мастерскую, где формируется и соиздается новый человек для новой жизни. Все организации школы подчинены одной цели— коммунистическому воспитанию молодежи.

Каков же человеческий материал, попадающий в школу?

ШКОЛА РАДИЩЕВА. В лаборатории по металлу.

В большинстве своем—это дети рабочих близких фабрик, военнослужащих и научных работников. Почему то каждый, пришедший в школу, задает стереотипный вопрос: «Как ведут себя в этой обстановке дети интеллигентных родителей?»

— Ответ—усмешка:

— У нас нет отдельных детей, есть коллектив.

Пролетаризация школы осуществлена на 100 процентов только в младших группах, в старших же около половины учащихся не пролетарского происхождения. Однако, в старшей группе из 33 учащихся—22 комсомольца, а остальные—яркие общественники. Таковы результаты «радишевского» воспитания.

— В последнее году обучения мы имеем кадры крепких, хорошо подготовленных активистов, подлинных строителей социализма,—говорят в школе.

И это отнюдь не громкие фразы.

Я познакомилась с одним из «выкормышей» школы—Гришей Гольбергом, Ширококулым, черномазый юноша этот (кстати сказать, беспартийный) весь горел, расквашивая о внутренних распорядках и об основной целеустремленности школы. Гриша пишет к исполняемому через месяц 10-летию школы книгу о Радищеве, он—патриот, хранитель всех школьных традиций, оловом, «страстующий энтузиаст, как шутя назвал его один из педагогов».

— Вы поймете только, у нас нет учебного дня без общественной работы, у нас—от малышей—первоступенцев по педагогам—ведут общественную работу,—говорит, возни в меня острые черные глаза Гриша. Малыши делают под руководством инструкторов игрушки для ребят соседней фабрики, старшие ведут либневую работу в районе, руководят пионерами, педагоги консультируют на фабриках, проводят всю работу на производстве.

Он идет со мной в рабочую комнату младшей группы. Там, среди небюджетных машин стайка малышей сидит, клеит карточки, переплетает свои рабочие книжки. Стоит веселый разногласный шум.

— Разречь нам картон,—требует малыш инструктора,—да не так, неровно у тебя выходит,—и ввоча, как старые, многоопытные рабочие, сами берутся за картонорезку.

Мы легко осматриваем музей школы, где выставлены работы всех групп. Перед глазами мелькают куклы, домики, театральные маски, спортивки, белье, платья, металлические инструменты,—все то, чему практически научились радищевцы.

В каждой советской школе существует борьба между влиянием школы и влиянием семьи. Радищевка также не избежала этой участи, хотя в ней существует так называемое «удлинение влияния школы». В средних группах воздействие школы, которое сводит к минимуму вредное домашнее влияние на детей. Кроме обычных учебных часов, в Радищевке с четырех часов начинается внеклассная работа, которой заняты все учащиеся. Открывается детская техническая станция, работают все кружки, идут занятия школы ликбеза и т. д. Таким образом, учащийся проводит дома очень мало времени. К тому же при школе существует интернат, рассчитанный на сто человек, откуда школа черпает свои лучшие силы.

Однако, и немногих часов, проведенных в несознательной темной среде, иногда бывает достаточно, чтобы засорить мысли школьника. С 1 октября школа перешла на непрерывную пятидневную неделю. В средних группах сообщение о переходе на непрерывку было встречено свистом и криками: «Не придем в воскресенье в школу!», «Долой!», «Не желаем!».

Очевидно, в вопросе о непрерывке родители оказывали на детей более упорное и сознательное давление. Но только в разьянении задач непрерывки школа добилась того, что в ближайшее рабочее воскресенье все учащиеся были за своими партами.

В деле воспитания кадров огромную роль играют педагоги. Между тем вопрос о педагогах давно является едва ли не самым большим в советских школах. В школе им. Радищева в среду старых педагогов удалось внять свежую струю,—привлечь несколько молодых партийцев, окончивших пединстит. Любопытно, что бок-о-бок в Радищевке работают два преподавателя-математика: энергичная, боевая комсомолка и старый, насквозь пропитанный формулами, похожий на геометрическую фигуру «человек в футляре». О нем упоминается так подробно потому, что он—единственный из всех, отказавший внять голосу живой жизни, признать что-нибудь, кроме своих формул, и принять участие в общественной работе. Остальные преподаватели охотно пошли навстречу задачам школы, отдали свой труд и время общественной работе на фабриках и внутри самой Радищевки.

Радищевцы тесно связаны с расположенной по соседству текстильной фабрикой им. Звонкова.

Вы спросите: «шефство?»

— Нет, какое там шефство,— отвечает вам,— шефы приезжают только по большим праздникам, а у нас с фабрикой будничная, постоянная, рабочая связь».

Старшие группы школьников участвуют в производственных совещаниях фабрики, в облюдованиях «легкой кавалерии», младшие организуют детские комнаты для детей рабочих, подготовляют их к школе, педагоги ведут пропагандистскую работу, читают лекции в фабричном клубе и т. д. Сообща с фабрикой проводятся все кампания. На антиалкогольной неделе, в день полу двести радищевцев пришли к воротам фабрики с лозунгами и плакатами, и эта демонстрация произвела большое впечатление на пьющих рабочих, так как среди школьников были их собственные дети. Школа называет фабрику им. Звонкова своей производственной базой.

— Мы вливаемся в фабричный двор, рассыпаемся по цехам и знакомимся со всеми процессами производства,—рассказывают радищевцы.—В прошлом году, когда мы закрепили связь с фабрикой, рабочие относились к нам недоверчиво, а теперь сами настаивают на продолжении нашей совместной работы.

Есть у школы и сельскохозяйственная база—школа крестьянской молодежи, в 50 километрах от Москвы, в той местности, где каждое лето стоит лагерь радищевцев. С крестьянской молодежью существует также непрерывная связь и обмен опытом.

Куда идут окончившие Радищевку? Если бы эти юноши и девушки были философами, они ответили бы вам: «В жизнь». Но им некогда философствовать: жизнь не ждет, учеба не ждет, строительство не ждет. И поэтому они отвечают вам коротко и просто:

— На производство.

— Во युгу.

— В деревню.

У них всех—большой общественный стаж и немалые заслуги перед рабочей массой. Они крепко хватают и мнут в руках глину самой жизни; и если их спросить, какой лавун выберут они себе на ближайшее время, они ответят вам, наверное, так же, как ответил мне один из питомцев Радищевки:

— По боку прошедшее, за бока настоящее и будущее!

— На производство.

— Во युгу.

— В деревню.

У них всех—большой общественный стаж и немалые заслуги перед рабочей массой. Они крепко хватают и мнут в руках глину самой жизни; и если их спросить, какой лавун выберут они себе на ближайшее время, они ответят вам, наверное, так же, как ответил мне один из питомцев Радищевки:

— По боку прошедшее, за бока настоящее и будущее!

ШКОЛА ИМ. РАДИЩЕВА. Препарируют лягушки.

Читатели

журнала «СМЕНА»

строят самолет

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

См. 6 страницу

ВЫСОКОМ

Повесть М. СНЕЖИНА

(Продолжение)

Рис. Г. БЕРЕНДГОФА

БОРИС скрипнул зубами.

— Что с вами?—спросила Анка.

— Ничего... Это так... Просто я думал...

— О чем же вы думали, скрещивая зубами?

— Анка! Я подумал об этой вашей черной доске и понял, что мою любовь не смогли бы победить никакие доски в мире. Я подумал о том, что когда во мне загорится настоящая страсть, я отпущу на все четыре стороны свои моторы и буду любить даже под током высокого напряжения.

Он почти кричал в тон иступленному хоралу страсти, в этот миг потрясавшему берега безымянной реки.

— Разве это люди, которые делают сквозь папиросную бумагу протоколов, воззваний, тезисов? Нет. Человеческая страсть там, где немецкий инженер Гейф называет простой неосторожностью поступок моториста, увлекшего в трансформаторную будку любимую девушку и обуглившегося вместе с нею. Гейф называет это неосторожностью. Но это истинная сила любви. Так не забывает такую девушку, как вы, меняя ее глаза на выветренную крышу...

— Борис, успокойтесь и не увлекайтесь немецкими глупостями,—мигнул прервала его Анка,—никто не закроет вам губы папиросной бумагой протоколов. И я вас в сотый раз прошу не делать глупых намеков на... крышу.

Борис провел рукой по глазам и до самого беленького домика на «Индустрое» не проронил ни слова. Анка заглянула в темное крайнее окно.

— Лены еще нет. Воротку со своим рявканьем голубком. Спокойной ночи, Борис?—вопросительно протянула она руку.— Вы не настолько изволновались моей черной доской, чтобы она испортила вам ночь? Ведь, правда?

Но Борис крепко сжал эту руку и привлек девушку к себе.

— Анка. Ты можешь смеяться надо мной, но я все равно буду тебя целовать.

Девушка вырвалась:

— Без глушостей, товарищ машиноповелитель. Я, ведь, не немецкая девушка... а вы...

Но Борис шагнул к ней, и прежде чем она успела опомниться, горячие и сухие губы закрыли ей рот. Он сдвинул ее руки и, не переставая целовать, говорил:

— Я, ведь, сильнее тебя. Я хочу и буду тебя целовать...

Не сопротивляйся, ты слабенькая...

Анка не могла кричать и сопротивляться, так ошеломил ее, а может быть, и увлек этот смелый и решительный порыв...

— Что вы там, подрались?—вдруг ворвался звонкий голос Лены.

Борис отпустил девушку и оглянулся. К домику подошли Лена и Катков.

— Они видели все,—тихо и твердо сказала Анка,—уходите...

— Сейчас неудобно уйти,—ответил он. И Анка была вынуждена знакомить его с Катковым, смеясь и делая вид, что между ними ничего не произошло. Выручил Катков. Он смешно сморщил лоб и сейчас же начал припоминать:

— Шеглов... Шеглов... Скажите, у вас не было рылных на заводе Гармана? Вот как. Папаша. Механик. Ватушки! Да, ведь, мы с Сергеем Арсеньевичем какими друзьями жили! Бывало, попросит меня: «Вот помогите, Степан Егорович, проект продвинуть». Я, конечно, всеми странами. Магарычи какие! А кутежики холостяцкие в ресторане на крыше! Ми-

лкий, милый молодой человек. Мы обязательно станем... хе-хе... друзьями.

О чем-то пошептавшиеся девушки попросились, извинившись, и пошли к двери. С порога Анка оглянулась, посмотрела вслед удалявшимся мужчинам и протнула Лене смятую карточку.

— Это мой машиноповелитель потерял. Посмотри,—сказала она. Лена долго вглядывалась в сломанную открытку и вдруг покраснела так, что ее белое платье показало Анке заросевшим.

— Анка... Что... что это?—спросила она, заикаясь и не зная, куда толкнуть глаза.

— Видишь, совсем не машины,—горько усмехнулась Анка и отчеканила поучительно:—это называется «пор-но-граф-фия».

Борис шел рядом с бухгалтером, который сразу же заговорил о любви, восхваляя искусство «Бориса»:

— О! Ты так зацеловал эту прекрасную девочку, что... хе-хе...—перебивал он сам свою фразу,—не отмахивайтесь, скромник вы этакий. Я—стрелитый воробей. Ведь, мы с Леночкой все видели. Леночка закричала только для того, чтобы вырвать полгугу... Да... О чем я начал говорить?... Ага! Вы так запобалили ее, что она была уже на девственно поленничью вашей. Я виноват перед вами. Я, я. Если бы я, по великой судьбы... хе-хе... задержался еще на несколько минут, кто знает, что было бы с нею. Но—увыл!—безумноло болтает, прыгая рядом, маленький, толстенький человек,—моя Леночка... Кстати, как обьект? Хе-хе. У меня губа не дура. Выбрал по-холостачи: толстенькую, с ножками, телешем,—захлебывался он.—Да... О чем яг... Ага. Моя Леночка не хотела больше оговариваться. О! Если бы у меня была ваша молодость и ваше, так сказать, искусство аттани.

Я слышал, как это вы ловко. Это, знаете, действует типичически. Стоит ей вундуть, что она—слабенькая, и дело уже сделано наполовину. Потому что можно легко доказать, что, если слаба она, то... хе-хе... сильны вы. Вы не читали Мопассана? А Курприн? Молодчище! Ох, что теперь против вас я... У меня живот, одышка...

Выслушав теорию машинной любви по школе «немецких мастеров», Степан Егорович даже забывая своей почтенный возраст и прильзывая зааллодривал:

— Вы гений! Перед вами открыты дороги к сердцам и... хе-хе... телам лучших женщин. О, молодость! О, смеелость! Я помню пляж на Черном море, номера «Москвы», сановалы в деревнях... Но спшите жить, молодой человек. Я вспоминаю, как в одно утро мне сказала последняя любовница: «У вас седые виски и сердце, папаша». В это утро я постарел на десять лет...

Возбуждение, сразу сменявшееся печальными воспоминаниями, разбуло в груди Степана Егоровича то, дневное, удущее. С ним всплыли неприятные последовательные воспоминания совсем свежего происхождения. Тяжело переведя дыхание, он оставил Бориса и зашептал, оглядываясь и припоминая:

— Постоять, постоять... Я должен вам передать, так сказать... хе-хе... свои агитурные наблюдения... У вас есть серьезные враги... Остерегайтесь вашего, так сказать, пола от молодежи—Паула...

Он пердал Борису слышанные им у завкомы разговоры. Он не забыл рассказать о партийном архивере Бруско, который даже, кажется, собрался из ревности не то клеимить повором, не то застрелит Бориса. А фатальный ужас перед чистой, о которой говорили эти люди, помог Каткову даже

См. «Смену» № 17, 18, 19, 20.

обрывать инквизиторскую жестокость человека с искаленной рукой... Мистический расказ плачущего толстенького человека тронул Борису. Ему стало жаль задыхавшегося Каткова и захотелось отвлечь его от этих мыслей и успокоить.

— Степан Егорович! Не нужно боятся врагов. Слава богу, что вы меня предупредили. Я смогу себя показать. А этот Павел... Он уже победен мною и на крыше, и на земле. Скоро придет очередь вот до этого, и тогда ему нечего будет делать... Вот, посмотрите... Это из французской коллекции покойного отца... Безобидный номер для начала афинской ночи... Взято для первого урока...

Говоря это, Борис обшаривал свои карманы и вдруг побледнел:

— Уронил... Там... Возле нее...

Он побжал назад к беленному домику, вернулся какой-то опавший и растерянный и прошептал:

— Я говорил ей о машинах

и любви, а потом она подняла мою порнографическую картинку... Она слишком рано узнает сущность первого урока... Все пропало.

Степан Егорович понял сразу.

Он сочувственно пожевал губами.

— Как стреляный воробей, я знаю, что это крупный промах... Это на руку врагу. Но, молодой человек, не отчаивайтесь. Я поговорю со своей Леночкой. Может быть, это им даже понравится. Кто разгадает женщин? Это, молодой человек, кажется, отметил великий Мопассан.

Но Борис сейчас хотел помнить только о враге. Он поднял руку и закричал в лицо Каткову:

— Все равно — я буду мстить. За себя, за то, что они лежат в первые. За вас, за то, что они выдумали себе право чистить. За Анку. За...

— Месть... хе-хе... благородное чувство, — поддержал дрожащий Катков, — мы имеем право на мечь... Вот, пожайте.

И он протянул Борису маленький флакончик с нашатырным спиртом — колючая латочка на случай особенно

Это была последняя ночь перед назначенным открытием «Высомола». Никакой электрник не придумал бы такой иллюминации, какую придумала весна, а выполнило звездное небо. Ни один композитор не сотворил бы такой бешабашной и чудесной смеси звуков, какими звенели за окном трава, завод, река и голоса.

В двенадцатом часу ночи Павел увидел через окно дежурную лампочку на спортбеседке «Высомола». Она напомнила ему сутулую последних дней, когда вобдренный и решивший итти на последнюю атаку штаб «Высомола» разделил свои силы между крышей и землей.

На земле сновали созданные штабом и ячейкой «бригады электролампонающих». Они неустанно следили и напоминали.

Это было их обязанностью — следить и напоминать кому следует о всех недостатках и ошибках в работе по электрификации. «Электролампонающие» поехали в Электрострест с прямым и неприятным в обычных канцелярских правилах наказом:

«Из всех сил трепать и тормозить трестовцев, пока они не сдадут заказанные нашим заводом трансформаторы. Все сроки уже просрочены. Добиться погрузки и отправки машин на наш завод».

И недаром, когда приехали трансформаторы, директор завода произнес памятные слова, так и вошедшие неисправленной строчкой в марш «Высомола»:

— Комсомольцы-высомольцы победили высоту.

«Высомол» же был вручен заботливому «неотделу», и никто не посмел бы сказать, что окончательная отделка «Высомола» сделана без вкуса.

Неустанно работал начальник дневной части «Высомола», спортиструктор, готовивший как можно более полное использование солнца и высоты. Половину своего рабочего дня он посвящал закалие собственных нервов, путем вымывания стойки на перлах, ограждавших крышу от многометровой глыбы.

Так проходили последние дни...

В 11 часов 45 минут Павел отключил приемник «Бечуана», вспомнил почему-то, что так точно называется одно из африканских диких племен и произнес, ментально потягиваясь:

— Как хочется взять эти трубки и заговорить в них: «Анкал Я иду дежурить у распределительного пульта. Ты слышишь меня, Анкал»... Но приемники не умеют говорить... Жаль.

И сейчас же Павел на себя рассердился:

— Позор. Тоже по машинному заговорил, товарищ Павел.

И вышел наискосок, «навстречу», как говорил Хатюк, к заводу.

По дороге с ним внезапно поздравовался вынырнувший стукда-то Щеглов. Павел подумал:

«Какого чорта он тут шатается? — и стиснул зубы: — Анку ждет».

... В вертераторной станции пахло часовой: над остывшими и осалившими желтые вуды коллекторы старушкинмодуло неподвижно и скорбно молчали старики-дизеля. Но за тонкой стеной в сети разноцветных шин подстанции высокого напряжения в веселом и блестящем окружении автоматических рубильников, разрядников, трансальтеров, вольтметров и амперметров жуужал новый мощный трансформатор. В застраниях воскрестьян рядом с ним станут приходящие с бригадой напоминающих два товарища по ремеслу.

Павел принял от Хатюка смену:

— Включение подготовлено? — спросил он, пожав руку Хатюка.

— Тильки же семь накоичников напаяны, — ответил Хатюк и расхохотался: — по-украински накомичником зветья триппер.

— Эх ты, старый похабник, — обругал его Павел. — Лучше бы вспомнил, что завтра воскресник, а вечером...

— А вечери будем твой хутор святить. Мне — первое мисто. Павел остался один, проверил приборы, осмотрел автоматы и освещене, по пути ошул работавшие моторы и поднялся на крышу. Нет, не на крышу, а на готовый уже «Высомол».

Вокруг звездного поля гудели невидимые аккорды проводов. Слушая их, Павел невольно прислушался и к своим ощущениям. Были они все как-то приподняты, — чаще бился пульс, грудь спешила захватывать из подзвездной высоты густой и слакий воздух. Перед глазами пятпала кисть труб держала уже не яркую вольтову дугу солнца, а матовый ночничок луны. Едва слышен был трансформатор, топали кварцбегуны, стучала формовка... Но чего-то не хватало в этом аккорде. И как при всяком приподном настроении, даже в радости какая-то смутная тревога подгоняла сердце... Павел мысленно завесил положение. Все было хорошо, и все-таки была тревога.

— Борис? Он бродит около ворот и омидал Анку. Нет. Тревога не от Борнса. Ах, да, ведь, с ним Анка, Анкал Тревога от нее.

Павел посмотрел через крышу и двор. Он разглядел маленькое и олевленное до половины пестрой бумагой окно телефонной подстанции. Это окно напоминало один из тех локутов цветной бумаги, которые, как обрывки ярких дум, валялись на когда-то заброшенном «Высомоле»...

(Продолжение следует)

Девушка вырослась: «Без глупостей»...

теплого приступа удущья...

Это была последняя ночь перед назначенным открытием «Высомола». Никакой электрник не придумал бы такой иллюминации, какую придумала весна, а выполнило звездное небо. Ни один композитор не сотворил бы такой бешабашной и чудесной смеси звуков, какими звенели за окном трава, завод, река и голоса.

В двенадцатом часу ночи Павел увидел через окно дежурную лампочку на спортбеседке «Высомола». Она напомнила ему сутулую последних дней, когда вобдренный и решивший итти на последнюю атаку штаб «Высомола» разделил свои силы между крышей и землей.

На земле сновали созданные штабом и ячейкой «бригады электролампонающих». Они неустанно следили и напоминали.

Это было их обязанностью — следить и напоминать кому следует о всех недостатках и ошибках в работе по электрификации. «Электролампонающие» поехали в Электрострест с прямым и неприятным в обычных канцелярских правилах наказом:

«Из всех сил трепать и тормозить трестовцев, пока они не сдадут заказанные нашим заводом трансформаторы. Все сроки уже просрочены. Добиться погрузки и отправки машин на наш завод».

И недаром, когда приехали трансформаторы, директор завода произнес памятные слова, так и вошедшие неисправленной строчкой в марш «Высомола»:

— Комсомольцы-высомольцы победили высоту.

«Высомол» же был вручен заботливому «неотделу», и никто не посмел бы сказать, что окончательная отделка «Высомола» сделана без вкуса.

обрывать инквизиторскую жестокость человека с искаленной рукой... Мистический раскоп плачущего толстого человека тронул Бориса. Ему стало жаль задыхавшегося Каткова и захотелось отвлечь его от этих мыслей и успокоить.

— Степан Егорович! Не нужно бояться врагов. Слабко, что вы меня предупредили. Я смогу себя показать. А этот Павел он уже победлен мною и на крыше, и на земле. Скоро дойдет очередь вот до этого, и тогда ему нечего будет велят... Вот, посмотрите... Это из французской коллекции покойного отца... Безобидный номер для начала африканской ночи... Ваято для первого урока...

Говоря это, Борис обшаривал свои карманы и вдруг поблещел:

— Уронил... Там... Вовле нее...

Он побежал назад к беленному домику, вернулся какой-то ошаренный и растерянный и прошептал:

— Я говорил ей о машинах и любви, а потом она получила мою порнографическую картинку... Она слишком рано узнает сущность первого урока... Все пропало.

Степан Егорович понял сразу.

Он сочувственно пожевал губами.

— Как стреляный воробей, я знаю, что это крупный промах... Это на руку врагу. Но, молодой человек, не отчаивайтесь. Я поговорю со своей Леночкой. Может быть, это им даже понравится. Кто разгадал женщины? Это, молодой человек, кажется, отметил великий Мопаассан.

Но Борис сейчас хотел помнить только о враге. Он поднял руку и закричал в лицо Каткову:

— Все равно — я буду мстить. За себя, за то, что они лезут в паре. За вас, за то, что они выдумали себе право чистить. За Анку. За...

— Месье... хе-хе... благородное чувство, — подержал дрожащий Катков, — мы имеем право на месье... Вот, понахайте.

И он протянул Борису маленький флакончик с нашатырным спиртом — походная аптечка на случай особенно тяжелого приступа удушья... Это была последняя нота перед назначенным открытием «Высомола». Никакой электрик не придумал бы такой иллюминации, какую придумала весна, а выполнило звездное небо. Ни один композитор не сотворил бы такой бесшабашной и чудесной смеси звуков, какими звенели за окном травы, завод, река и голоса.

В двенадцатом часу ночи Павел увидел через окно дежурную лампочку на спортбеске «Высомола». Она напомнила ему сутулость последних дней, когда взыбренный и решивший идти на последнюю атаку штаб «Высомола» развелил свои силы между крышей и землей.

На земле свонали созданные штабом и учебкой «бргады электронапоминашок». Они неустанно следили и напоминали.

Это было их обязательство — следить и напоминать кому следует о всех недостатках и ошибках в работе по электрификации. «Электронапоминашки» поехали в Электрострест с прямым и неприятным в обычных канцелярских правилах накавом:

«На всех сил трепать и тормозить трестовцев, пока они не спадут казаканье нашим заводом трансформаторы. Все сроки уже просрочены. Добыться погурки и отправлять машины на наш завод».

И вналаром, когда приехали трансформаторы, директор завода произнес памятные слова, так и вошедшие неисправивной строчкой в марш «Высомола»:

— Комсомолыцы-высомолицы победили высоту.

«Высомо» же был вручен заботливому «женотделу», и никто не посмел бы сказать, что окончательная отделка «Высомола» сделана без вкуса.

Неустанно работал начальник дневной части «Высомола», спортиструктор, готовивший как можно более полное использование солнца и высоты. Половину своего рабочего дня он посвящал закалке собственных нервов, путем выжимания стойки на перилах, ограждавших крышу от многометровой глубины.

Так проходили последние дни...

В 11 часов 45 минут Павел отодвинул приемник «Бечуан», вспомнил почему-то, что так точно называется одно из африканских диких племен и произнес, ментально потягиваясь: — Как хочется взять эти трубки и заговорить в них: «Анка! Я иду безречуть и распределительного пульта. Ты слышишь меня, Анка!»... Но приемники не умеют говорить... Жаль.

И сейчас же Павел на себя рассердился:

— Позор. Тоже по машинному заговорил, товарищ Павел. И вышел идиотским, а не впрямь, как говорит Хатюк, к заводу.

По дороге с ним внезапно поздоровался вынырнувший откуда-то Щеглов. Павел подумал:

«Какого чорта он тут шает? — и стиснул зубы: — Анку илдет».

... В генераторной станции пахло часовой: над остывшими и окалинившими желтые зубы коллекторов старушкински-людям неподвижно и скорбно молчали старинные ивела. Но за тонкой стеной в сети разноцветных шин подстанции высокого напряжения в веселом и блестящем окружении автоматических рубильников, разрядников, трансальтеров, вольтметров и амперметров жуужал новый мощный трансформатор. В заатранный воскресник рядом с ним станут приехавшие с «бргады напоминашки» два товарища по ремеслу.

Павел принял от Хатюка смену:

— Включение подготовлено — спрыл он, — поназаву Хатюка.

— Тыльки же семь каноничники! напаянчик, — ответил Хатюк и расхохотался: — по-украински каноничником зветься триппер.

— Эх ты, старый похабник, — обругал его Павел. — Лучшее бы вспомнил, что завтра воскресник, а вечером...

— А вечери будемо твий хутор святяги. Мене — первое мисто. Павел остался один, проверил приборы, осмотрел автоматы и освещение, по пути ошупал работающие моторы и поднялся на крышу. Нет, не на крышу, а на готовый уже «Высомо».

Вокруг звездного поля гутели невидимые анкорды проволоч. Спущая их, Павел несильно присурился и к своим ощущениям. Были они все как-то приподняты, — шаше бился пульс, грудь спешила захватывать на ползаведной высоте густой и сладкий воздух. Перед глазами пятнилата кисть труб держала уже не яркую вольтову дугу солнца, а матовый ночничок луны. Едва слышен был трансформатор, топали кварцбегуны, стучала формовка... Но чего-то не хватало в этом аккорде. И как при всяком приподнятом настроении, даже в радости какая-то смутная тревога подгоняла сердце... Павел мысленно взвесил положение. Все было хорошо, и востеки была тревога.

— Борис? Он бродит около ворот и окипает Анку. Нет. Тревога не от Бориса. Ах, да, вель, с ним Анка, Анка! Тревога от нее.

Павел посмотрел через крышу и двор. Он разглядел маленькое и ослепное до половины пестрой бумагой окно телефонной подстанции. Это окно напоминало один из тех лоскутов цветной бумаги, которые, как обрывки ярких дум, валялись на когда-то заброшенном «Высомо»...

(Продолжение следует)

Девушка вырвалась: «Без глупостей!»..

СОВЕТСКИЙ ПАРЕНЬ

Очерк В. Седова

КТО из нас не читал жизнеописаний великих ученых? Наше воображение поражала головокружительность скачка на полной неизвестности к мировой славе. И нередко закрадывалось сомнение: нет ли в этой внезапности превращения доли преувеличения, почтительной фантазии биографа.

А между тем, у нас в СССР, в наши дни, на наших глазах повторялась такая же картина. Кто мог угадать в 17-летнем юноше, робком провинциале, приехавшем ради учебы в незнакомый огромный город, будущего кандидата на Rockefellerовскую стипендию? Какой пророк пресказал бы, что спустя 5—6 лет имя Гамова, скромного советского студента, потрясет умы крупнейших физиков всех стран, прокатится громовым эхом по всему свету—от маленькой Дании до далекой Америки? Вызвали за спиной у Георгия Гамова трудные дни. Сын бедного сельского учителя, он приехал в Петроград (в то время) один только багаж: знания,

ЦИТ. Они работают механически, не вникая в процессы производства (см. очерк «Детище нашей бедности»).

полученные в трудное II ступени. Университетская аудитория часто видывала толстячка Гамова в неизменных высоких сапогах и порывистой кожаной тулукре. Он смело мог сказать словами римского мудреца:

«Все свое ношу с собой».

Но Гамов был тем «советским парнем», которым называл его впоследствии Демьян Бедный. Он не растерялся перед трудностями жизни и науки. Георгий нужнее на жизнь, несколько десятков рублей в месяц добывал, работая то лаборантом в Оптическом институте, то сотрудником в Геофизической обсерватории. А урывками, в свободное время пешком бегал к 21-й линии Васильевского острова в университет на лекцию, в лабораторию на опыты.

Сначала Гамов, оказавшийся спустя несколько лет, великим теоретиком, считал себя экспериментатором. Это заблуждение молодого студента оказалось едким ядом для Оптического института. На какой-то самый пустынный опыт по аномальной дисперсии, т. е. по изуче-

нию распространения света, юноша испортил не много, не мало 12 дюймов высококачественных заграничных фотопластиков.

Он долго бился над причиной неуспеха, а секрет оказался прост: пластинки гнили, не давая возможности даже увидеть на них результаты опытных съемок, по совершенно простой причине. Рядовой фотограф-практик быстро разглядел нелюбовие Гамова. Не годилась низкая температура, при которой он проявлял пластинки. Но объяснение пришло поздно. Дорогие материалы были испорчены, а в Оптическом институте стали косо смотреть на молодца. Неудачные эксперименты стоили много денег. Обескураженный исследователь вернулся к университетским занятиям. И, как знать, может быть, ценю этих 12 дюймов заграничных пластинок, этой серьезной неудачи, постигшей Георгия на первых шагах, мир получил теперешнего мирового теоретика.

Вернувшись к работе в университете, Гамов заинтересовывает первым же своими работами талантливого университетского профессора-физика Крутков. Последний уже по первым, еще робким шагам чувствует в советском парне дремлющую большую силу. Сила эта мало-по-малу выходит из потенциального состояния и дает о себе знать все громче. Студент Гамов выступает с лекциями на Всесоюзных съездах физиков: сначала в Ленинграде и позднее на съезде в Москве. Гамов решительно уже тогда встает в редкие ряды убежденных приверженцев совсем еще новой в то время, так называемой, волновой механики—науки, которая несла физике подлинную революцию. Мог ли зрелый исследовательский ум молодого ученого страны Октября не стать на сторону революции и в это науку?

К этому времени университетский курс окончен. Провлеченные Гамовым лароания обеспечивают ему аспирантуру. Но и попав в толпу аспирантов, Гамов быстро выделяется среди них, прежде всего, как активный общественный работник. Он избирается членом город-

ЦИТ. После работы—гимнастика.

Тов. ГАМОВ.

Молодой ученый выступает на конференции физиков в Харькове (1929 г.) с докладом о своем открытии.

ского бюро аспирантов. Свои научные занятия он переносит в физико-технический институт академика Иоффе. Кто не знает не только в Советском Союзе, но и повсюду заграничной замечательного научного учреждения и не менее замечательного его руководителя! Этот институт считается по праву колыбелью всей советской физики. Здесь за короткий срок содвинулась целая школа молодых советских физиков, правивших смелостью, плетя новые жизненные сети на мировую науку. Среди них Гамову суждено было занять одно из первых мест.

И прямо от Иоффе 22-летний Гамов командирован в Германию, в Геттинген. Здесь, в Геттингене, молодой советский ученый в течение двух недель создает свое гениальное учение о распаде ядра атома, доставившее ему мировую известность.

Подробно останавливаться в небольшом очерке, рассчитанном к тому же на широкого читателя, не-специалиста, на имя Гамова, конечно, невозможно. Но кое-что нужно отметить.

Почему открытие Гамова произвело среди ученых впечатление разорвавшейся бомбы? Почему имя 22-летнего физика сразу же встало в ряд с крупнейшими физиками мира?

Теорией атома занимались крупнейшие ученые Западной Европы и Америки. Еще в 1911 г. знаменитый англичанин Резерфорд предложил модель атома, по которой атом состоит из тяжелого, несущего положительный заряд ядра и электронов, вращающихся вокруг него, наподобие маленькой планетной системы. Другой ученый—датчанин Бор, создавший сейчас патриархом среди физиков, сумел разработать всю теорию движения атомов. Казалось бы, что все физическое и химическое свойства атома объясняются качественно и количественно. Но оставалась тайной самая причина явления—свойство атомов тяжелых элементов распадаться. Оставалась непонятной причина радиоактивности. Не было установлено и принципа закономерности распада положительных зарядов.

Гамов в своей работе разрешил задачу, которая оказалась не под силу ни Резерфорду, ни Бору. Он создалшим их учением—о самопроизвольном распаде эле-

ментов—ответил на вопрос, почему распадается элемент? Он наметил ряд закономерностей распада. Тем самым пришел к созданию своей модели ядра, отличной от модели Резерфорда и вытекающей из всего его учения.

Опубликование первой же работы Гамова вызвало живой отклик среди виднейших физиков всех стран. Известный берлинский ученый Лауэ предложил Гамову проделать вместе с ним еще раз все подсчеты. Около 15 новых работ в разных странах явились результатом открытия Гамова. А «советский парня» Гамова призвал к себе в Копенгаген творец теории атомов—физик Бор. Встреча Бора с Гамовым—эпизод, достойный быть запечатленным в истории науки. Старик-ученый, с мировой славой, горячо обнял юного советского аспиранта, приветствуя в нем восходящую звезду нового научного мышления. Вместе с Бором Гамов проработал несколько месяцев. У того и другого оказался одинаковый склад мысли. Не укрываясь в сухую отвлеченную математику, оба они мыслят образами, картинками, намечая в каждом их штрихе новые пути для науки.

Из Копенгагена Гамов уже как признанный ученый держит путь в Кембридж, в Англию, к самому Резерфорду, создателю всей теории радиоактивного распада атомов. Гамов встретил сначала несколько настороженный прием. Прославленного английского физика охватило было неверие. Как? Простой «советский парня» предугадывал конечный путь тех идей, которым Резерфорд отдал всю свою жизнь? Вель, Гамов опередил знаменитого англичанина.

Но... интересы науки восторжествовали над остальными чувствами быстро, и Гамову предоставлена полная возможность для продолжения его работ.

А совсем недавно, несколько недель тому назад, творческая деятельность советского ученого получила еще одно, новое, на этот раз совершенно исключительное признание. Наряду с премией Наркомпроса, Гамов, находясь летом в СССР, получил еще одно радостное известие—Резерфорд добился представления советского физика на стипендию Рокфеллеровского института. Стипендию, открывающую перед Гамовым перспективы осуществления всех творческих замыслов. Ему гарантирован еще целый год работы в Кембридже.

Самое замечательное в этом последнем успехе—то факт, что кандидатура Гамова была выставлена английским ученым, представителем одной из наиболее капитало-обоснованных научных корпораций.

Сейчас Гамов вновь в Кембридже. Вновь его пылкий ум устремлен к разгадке научных тайн. Того, что еще остается непонятым, недостаточно выясненным в области распада ядра атомов.

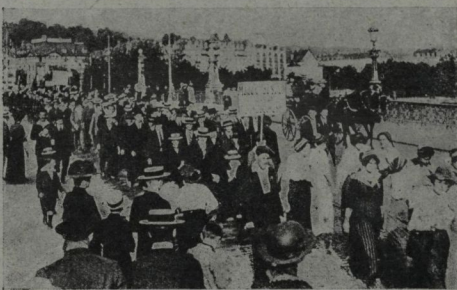
Работы эти Гамов ведет за границей, но приложение их, воплощение открываемых им великих теорий в жизнь он мечтает перенести к себе домой, в Советский Союз. Гамов остался и останется тем советским парнем, которым можно гордиться и гордиться наша научная смена, новые кадры молодых советских ученых. Гамов знает, что зарядку своего творчества он получил в советском научном коллективе. И где бы он ни был: в Геттингене, Копенгагене или Кембридже, советский парень помнит, что он только—передовой молодой смены страны Советов.

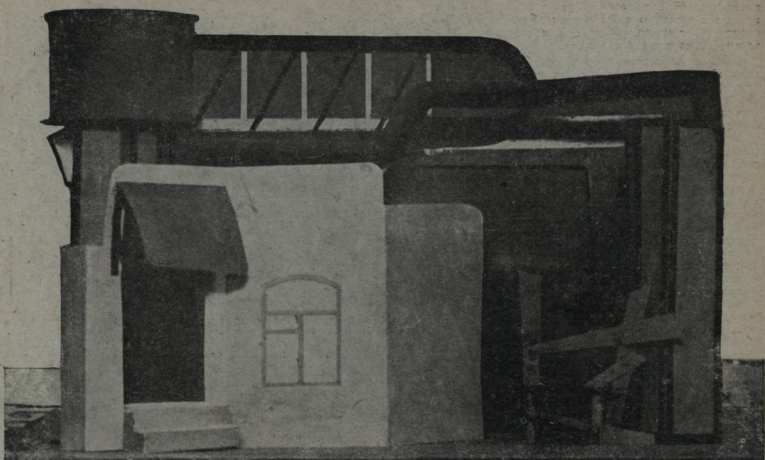
21 ноября 1919 г. в Берлине illegally прошел I конгресс ИММ, положивший начало Коминтерну молодежи на сцене: члены Исполкома ИММ, избранные I конгрессом.

Предшественником ИММ было созданное Л.Бинкхотом Международное бюро социалистической молодежи. На сцене: члены Бюро в Берлине в 1915 г.

Первым лозунгом юношеского рабочего движения была борьба против империалистической войны. На сцене: юношеская демонстрация против войны (Цюрих, 1915 г.). Следующий номер «Смены» целиком посвящен 10-летию ИММ.

«Фабрика благочестия».

Мольельня сектантов.

СЕКТАНТЫ и их приспешники развлекли уснувшую работу за oxidation, привлекая большого количества молодежи в свои ряды. Достаточно сказать, что из 6 миллионов членов различных сектантских общин около 2 миллионов принадлежат молодежи. Это является чрезвычайно ярким показателем того, насколько сектанты проникли в жизнь нашей молодежи. Путем разных уловок, путем различных ухищрений контрреволюционеры в боевой момент гонят старателей, привлекая молодежь, использовавшая ихчески плохую работу комсомольских ячеек, некоторую несознательность рабочих и пр.

Новый пьеса Дм. Шеглова «Фабрика благочестия» — как раз и написана на эту тему. В момент, когда пишется эта сторона, пьеса еще находится в черновой обработке и пойдет только в конце ноября на сцене Московского передвижного рабочего театра. Она, конечно образом, предназначена для рабочих клубов Московской области.

Сюжет пьесы построен на основании действительного происшествия на ленинградском заводе Металлоштампы, где из 1500 чел. рабочих большинство было включено в сектантскую общину, вследствие весьма слабой и неорганизованной работы комсомольских и партийных организаций.

Группа сектантов, называемых при сценарии социальными и бага обитого, приравнявшему различным советским документам (они даже агитируют за социалистическое соревнование, за поднятие производительности труда и т. д.), под руководством старого заводского мастера Кленова ведет борьбу за увеличение числа членов своей общины. При помощи социальными Кленова — хитрой пройдохы Марты — сектантам удается привлечь на свою сторону комсомольцу Зину — одну из главных героинь пьесы. Зина уходит в «христианство», как называют сектантскую группу на заводе, несмотря, не сразу, а после упорной и долгой борьбы. Она вышла с комсомольцем Митей, захватившимся «переходным парнем, который все высказываемые требования сомнения и недоумения объяснил одной фразой — «противоречия переходного периода».

Когда на Зину началось «хотение» со стороны сектантов, когда на фабрике развернулось усиленное религиозное агитация, Митя, будучи председателем ячейки безбронников, вместо разнотельной работы на заводе стал владеть религиозной инструкцией, райкомовским циркуляром, как вести борьбу с сектантами. Митя не оставался на

заводе в одиночестве. К его бюрократической тактике прибегало и большинство членов ячейки, за исключением трех человек — недавно окончившего партию Петра, молодой работницы Миня и комсомольца Гуана. Они своей тактикой, своей нечужбостью оттолкнули Зину, заставили перейти ее, хотя и временно, в лагерь врагов.

Сектанты торжествовали победу. Пронесло посяжение Зины в общину, в христианские сестры. Ее берет явить и себе Марта. Она истически пропагандирует ее, истически начинает ее различными сектантскими понятиями, предлагает ей уехать, примерно, в качестве «благочестивой инструктора по Совету с окладом в 120 руб. в месяц». А в это время другие сектанты расширяют свою работу на заводе. Они мутят рабочих, они требуют, чтобы заводоуправление разрешило им, сектантам, провозить подлинку на сбор денег на постройку обители для рабочих или же отпустить деньги сектантской общине. Когда им это не удается, сектанты решаются пойти на преступление. Узнав, что комсомольский ячейка назначила субботник для закладки дома, отлавокщиков сектантов Кленов вместе со своим подручным Житниковым стравливаются подличать постройку.

Зина случайно подслушивает этот разговор, происшедший на квартире у Марты. Она возмущается от неоправданности, искушающей того, куда же она в комсомольской пошла. Кленов с Житниковым связывают Зину. В результате ее освобождает сектант Андрей Кленов, озабоченный этим и вышедший Андрей, набрасывается на него в последнюю минуту борьбы сам становится жертвой своей жертвы. Андрей его убивает, Зина вмешивается в комсомольскую сразу же приняв участие в первом комсомольском субботнике.

Вот в краткие содержание пьесы. В целом — она интересна, написана весьма живо, не страдает дешевой штампованностью, присутствием многим агитационным пьесам, расцененным исключительно на рабочего зрителя. Пьеса

чрезвычайно своевременно заострила столь важный и существующий сейчас вопрос — борьбу с сектантством, борьбу с развращающей религиозной агитацией. Очень хорошо и весьма ценно, что автор пьесы Д. Шеглов и постановщик ее — молодой режиссер Н. Сузбилин — не пытаются представить сектантов какими-то варварами и зверями, а комсомольцами — ангелами по плоти. Наоборот, все действующие лица представлены в настоящем своем виде, такими, какие они есть на самом деле в жизни. Сушальности в изображении типов не видно и следа.

В отдельных местах, конечно, имеется ряд недостатков, как в смысле текста, так и в смысле развертывания сюжета. Но это можно исправить и, во всей вероятности, будет исправлено. Для нас же новый пьеса Шеглова важна тем, что она выставляет призываться над необходимостью повести более решительно, взвучную и очень серьезную борьбу с сектантством.

И очень хорошо, что молодежь Передвижного рабочего театра, готовящая эту пьесу в порядке социалистического соревнования по плану троцкистского театра, как раз именно и остановила свой выбор на этой, столь важной и необходимой пьесе. В.А. С.

